

ЩЕРБАК А. М.

ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

(К проблеме взаимодействия и смешения языков)

I. Об алтайской гипотезе, в рамках которой устанавливается родство между тюркскими и монгольскими языками, написано так много, что возникают сомнения в целесообразности продолжения дискуссии, тем более что уже выражалось скептическое отношение к возможности решения алтайской проблемы вообще. Сошлемся на высказывание А. Н. Кононова. По его словам, хотя до сих пор не ясно и, скорее всего, никогда не будет известно, восходят ли общие элементы тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков «к языку-основе или они возникли в результате многовекового тесного взаимодействия носителей этих языков», все равно лишь исходя из «алтайских» материалов можно «приблизительно реконструировать фонетический и морфологический строй каждого из членов этой большой семьи» [1]. Аналогичное высказывание приводится и в другой, более поздней, статье А. Н. Кононова [2], и может сложиться впечатление, что алтайская проблема, действительно, относится к числу неразрешимых.

Ниже мы попытаемся ответить на два вопроса: 1) в состоянии ли языковеды определить природу алтайских, уже, тюркско-монгольских языковых связей и 2) что конкретно дают материалы монгольских языков для реконструкции тюркского праязыка?

Выбор для целей нашего исследования тюркских и монгольских языков объясняется реальным положением вещей: именно тюркские и монгольские языки образуют общность, во многом напоминающую генетическое подразделение, тогда как связи тюркских языков с тунгусо-маньчжурскими являются, как правило, опосредованными (через монгольские языки).

II. Касаясь истории изучения тюркско-монгольских языковых связей и давая общую характеристику их, начнем с напоминания о совпадении важных структурно-фонетических черт, идентичности морфологического типа, о сходстве некоторых аффиксов и обилии лексических параллелей, прослеживаемых во всех тематических группах. Особое значение имеют звуковые соответствия, учет и систематизация которых произведены в работах Г. И. Рамстедта [3] и Н. Поппе [4].

Напомним также, что структурная и материальная близость тюркских и монгольских языков была воспринята многими тюркологами и монголистами как следствие генетического родства и стала основополагающим фактором развития компаративистической алтаистики. Были предприняты попытки выявить лексические и морфологические параллели в широком плане, подвергнуть их всестороннему анализу, свести воедино то, что не поддается сведению и, наконец, реконструировать праформы. Однако они окончились неудачей. Своеобразный итог продолжительным поискам был подведен одним из учеников Н. Поппе, заявившим, что генетическое родство алтайских языков не доказано и что в наши дни многие исследователи не принимают его даже в качестве полезной гипотезы [5].

Следует, далее, подчеркнуть, что обилие материала затрудняло его интерпретацию, и конкретные шаги, направленные к использованию сравнительного метода, часто не шли дальше констатации совпадений. Трудности усугублялись стремлением собрать как можно больше параллельных фактов, исходившим из ошибочной посылки о невозможности образования обширных сходств путем контактов.

Кризис традиционной алтаистики, усилившийся к середине нынешнего столетия, вызвал негативное отношение к односторонней ориентации (на обоснование родства), хотя в оценке его причин наметились существенные расхождения. Так, Д. Синор считал нужным подчеркнуть, что если крупные ученые не в состоянии доказать тезис о генетическом родстве алтайских языков, то, очевидно, есть что-то неправильное в самом этом тезисе [6]. По мнению К. Г. Менгеса, причина того, что родство алтайских языков продолжительное время не было общеизвестным фактом, кроется главным образом в исследователях и меньше в объекте исследования [7]. Независимо от пестроты оценок сложившегося положения проявляется единодушие в расширении круга и направлений поиска, растет понимание необходимости придавать большее значение взаимодействию названных языков и обращать внимание не только на их сходства, но и на расхождения. Одним словом, постепенно осознается то, что без предварительного выделения заимствований и перезаимствований реконструкция тюркско-монгольских праформ теряет свой смысл.

Новые тенденции в подходе к исследованию тюркско-монгольских языковых связей выразились в написании статей и монографий, посвященных выделению заимствований. Выделением заимствований начинают заниматься и представители ортодоксальной алтаистики, признающие, однако, роль контактов в образовании сходств преимущественно в позднее время.

Безусловно, опознать тюркизмы в монгольских языках и монголизмы в тюркских далеко не всегда легко [8]. Все же эта проблема, в общем, поддающаяся решению, излишне и не оправданно усложняется [9, с. 257].

Взаимодействие тюркских и монгольских языков происходило непрерывно на протяжении многих сотен лет в условиях как компактного, так и разрозненного размещения тюркских и монгольских племен на территории Евразии. Было время относительной «непродуктивности» контактов, и были периоды, когда контакты становились интенсивными и сопровождались частичным смешением языков. При этом, как полагал Дж. Клосон, в древнетюркском языке не было монголизмов. «Если слово, общее для тюркских и монгольских языков, выступает в тюркских текстах до XIII в., то оно наверняка собственно тюркское и в монгольских языках должно рассматриваться как заимствование». Общее же слово, не встречающееся в древнетюркских текстах, вероятнее всего, монгольского происхождения [10, с. 177—178]. Из этого следует, что до XIII в. процесс заимствования был односторонним: из тюркских языков в монгольские, и что, таким образом, монгольское влияние на тюркские языки началось не ранее XIII в. Такой же вывод по результатам проверки 110 древнетюркских слов в тюркско-монгольских параллелях сделан Л. В. Кларком, указавшим на необоснованность части монгольских этимологий, ошибочность чтения ряда слов и на использование в отдельных случаях поздних источников [11, с. 125—126].

Как бы строго ни оценивались выводы Дж. Клосона и Л. В. Кларка, нельзя не признать, что количество монгольских элементов в древнетюркском языке было ограниченным. По крайней мере, явные монголизмы в орхоно-енисейских рунических надписях отсутствуют, а в раннесредневековых уйгурских текстах они единичны. «Даже у Кашгари, в словаре XI в., — пишет Л. Лигети, — можно выделить с трудом [лишь] два или три монгольских слова» [12].

Переходя к вопросу о конкретных результатах взаимодействия, заметим, что тюркское влияние на монгольские языки в период до XIII в. отразилось на состоянии их лексики в целом, тогда как обратное влияние, имевшее место в основном начиная с XIII в., было дифференцированным и размеры монгольского «вклада» в тот или иной тюркский язык зависели от интенсивности и продолжительности контактов.

В «окраинных» тюркских языках, таких, как караимский и чувашский, последствия монгольского влияния невелики. Караимский язык содержит небольшое число монгольских слов [13], отчасти типичных для куманского языка [14]. Преобладающие заимствования в чувашском

языке — слова среднемонгольского происхождения [15], вошедшие в него через посредство соседних тюркских языков [16].

Сравнительно немного монголизмов и в западных огузских языках: азербайджанском, гагаузском, турецком. В последнем из них О. Н. Туна насчитывает 50 слов монгольского происхождения [17, с. 215—243]¹, хотя на самом деле их больше.

Иначе обстоит дело в киргизском языке. В нем вместе с лексическими заимствованиями [18] имеются заимствованные аффиксы *-lʒa*, *-öl*, *-l*, *-loŋ*, *-mal*, *-ymta*, выступающие как в словах монгольского происхождения, так и в собственно тюркских [19]. По количеству монголизмов к киргизскому языку примыкает казахский [20], в котором, согласно подсчетам Б. Базилхана, сходны с монгольскими 1500 корневых и 24 000 производных слов (из 40 000 слов, зарегистрированных в казахских и монгольских словарях) [21].

Многое заимствований из монгольских языков в тюркских языках Сибири: алтайском, тувинском, хакасском, якутском. В тувинском языке они образуют несколько хронологически различающихся пластов [22]. И в нем отмечено использование монгольских морфологических показателей: *-lʒa*, *-lda*, *-l*, *-čyn* (< тюрк. *-čy*), *-laŋ*, *-mal*, *-mar*, *-duɣar*, *-žy*, *-žyra*. Исключительное положение занимает якутский язык, в котором следы монгольского влияния обнаруживаются в лексике, морфологии [23] и даже в особенностях развития грамматического строя, ср., например, употребление числительного *ikki* «два» в качестве соединительного союза [24].

Обратное влияние, т. е. влияние тюркских языков на монгольские, не уступало ни по размерам, ни по продуктивности. Периодами значительного усиления его Дж. Клосон считал V—VIII вв. (возвышение тюркского племени табгач², основавшего династию Северная Вэй, 386—535 гг.; вассальная зависимость киданей от тюрков до середины VIII в.) [25]; VIII—XII вв. (тесные связи тюрков с монголами в Прибайкалье; ассимиляция северных монгольских племен); XIII—XIV вв. (уйгурско-монгольские культурные связи в разных районах Средней и Центральной Азии) [10, с. 184—187].

Древнейший пласт тюркских заимствований в монгольских языках составляет то, что имеет параллели в тюркских текстах VIII—XII вв. Следующий пласт восходит к среднемонгольскому периоду [26—29]. Здесь, помимо тюркской лексики буддийского содержания, присутствуют санскритские, согдийские и китайские слова [30]. Этот пласт включает в себя также немало арабских и персидских слов, проникших сначала в тюркские языки, а затем из тюркских — в монгольские [31]. Тюркские элементы заимствовались и в последующее время, однако поздние процессы заимствования сказались больше на состоянии отдельных монгольских языков: бурятского [32], калмыцкого.

В монгольские языки вошли тюркские слова, модели составных глаголов и редупликативных форм, аффиксы относительных прилагательных *-syŋ*, *-lyŋ*, *-daŋy*, аффиксы отглагольных имен *-(a)q* ~ *-(y)q*, *-maq*, *-(a)m* ~ *-(y)m*, аффикс мн. числа *-lar*, аффикс имени деятеля *-čy* и другие [33—35].

III. Тюркско-монгольские параллели охватывают все грамматические классы: имя, глагол, наречие, служебные и изобразительные слова. Чтобы исследовать и описать их в полном объеме, понадобилось бы несколько монографий. В данной статье мы решили ограничиться обзором глагольных параллелей, преимущественно тех, которые учитывались в работах Г. И. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, М. Рясенена, Н. Поппе.

Глагольные параллели распределены неравномерно. В азербайджанском языке их — около 20, в киргизском — более 150 [18, с. 189—229]. Почти столько же монгольско-казахских глагольных параллелей [9, с. 262].

¹ В статье О. Н. Туна приведен список работ, посвященных выделению монголизмов в азербайджанском и турецком языках [17, с. 240].

² Вопрос об этнической принадлежности племени табгач до настоящего времени окончательно не решен.

Обращение к глагольным параллелям для выяснения природы тюркско-монгольских языковых связей предопределено тем, что их намного меньше, чем именных, и что совпадение глагольных основ в родственных языках — естественная вещь, в неродственных же — не совсем обычное явление³. «Чем объяснить, — спрашивает С. К. Кенесбаев, — например, параллельное функционирование глагольных основ и первичного, и вторичного образования? Ведь нельзя же их отнести к заимствованию (об отдельных исключениях можно не упоминать)» [36]. Действительно, глаголы заимствуются редко и именно поэтому глагольные параллелизмы заслуживают большего внимания. Либо мы и в самом деле сталкиваемся с типичным случаем языкового родства, либо имеет место такое смешение неродственных языков, когда не остается непроницаемых сфер и когда практически очень трудно провести последовательное разграничение «своего» и «чужого».

Грамматические формы глагола в тюркских и монгольских языках образуются от одной основы, которая, будучи употребленной самостоятельно, выражает значение повелительного наклонения (2-е л., ед. ч.).

В структурно-фонетическом отношении глагольные основы тех и других языков несколько различаются: в непроемных основах тюркских языков одинаково допустимы слоги открытого и закрытого типов, в древнемонгольском и монгольском письменном языках значительно чаще встречаются непроемные глагольные основы с открытыми слогами.

Прежде чем приступить к рассмотрению тюркско-монгольских глагольных параллелей, целесообразно отобрать те из них, которые используются в алтаистической литературе, но не являются достаточно надежными. Необходимо также исключить из обзора параллели с восстановленными глагольными основами; для реконструкции которых привлекались заимствованные производные формы, например: тюрк. *sür-* и монг. **süre-* «гнать» (м.-п., др.-тюрк. *sürüg* «стадо»); тюрк. *bilä-* и монг. **bile-* «точить» (м.-п. *bilegü*, др.-тюрк. *bilägü* «точильный камень»); тюрк. *ba-* и монг. **ba-* «связывать, привязывать» (м.-п., др.-тюрк. *baç* «завязка»); тюрк. *je-* и монг. **je-* «есть» (м.-п. *jem* «падаль», др.-тюрк. *jem* «еда, съестное», якут. *setnex* «объедки; остатки добычи хищников»); др.-тюрк. *qovra-* и монг. **qovara-* «собирается» (м.-п. *qovaraç*, др.-тюрк. *qovray* «буддийская монашеская община»); др.-тюрк. *kürä-* ~ *küri-* и монг. **küre-* «сгребать» (м.-п. *kürje*, др.-тюрк. *kürgik* «лопата»); др.-тюрк. *kes-* и м.-п. **kese-* «резать» (м.-п. *keseg*, др.-тюрк. *kesäk* «кусок») и т. д.

Включенные в обзор глагольные параллели подразделяются нами на три группы: 1) полностью или почти полностью совпадающие; 2) имеющие различие в виде «дополнительного» гласного; 3) различающиеся присутствием «дополнительного» сочетания гласных с согласными.

Предлагаемый ниже список не является исчерпывающим, все же привлекаемых глаголов достаточно, чтобы получить представление и о степени сходства, и о характере совпадающей лексики.

Первая группа

1. Др.-тюрк. *abla-* ~ *avla-*, казах. *avla-*, туркм. *avla-*, мо. *avla-* «охотиться; устраивать облаву».
2. Кар. *abra-*, чуваш. *upra-*, м.-п. *abura-* «беречь, хранить».
3. Кирг. *ajçyr-*, бурят. *hāxir-* «кричать».
4. Др.-тюрк., башк., узб., ср.-монг. *alda-* «обманывать».
5. Алт., тув. *azyra-*, кар., кирг. *asra-*, чуваш. *usra-* «содержать; кормить; воспитывать», м.-п. *asara-* «заботиться; воспитывать».

³ Вместе с тем нельзя исключать совпадения глагольных основ даже в неродственных языках разных структурно-морфологических типов: узбекским языком были заимствованы из персидско-таджикского основы настоящего времени *arzi-* «стоять, цениться» (перс. *arzidan*, осн. наст. вр. — *arz-*) и *sajra-* «есть» (перс. *surūdan*, осн. наст. вр. — *sarā-*). В порядке предположения можно сблизить также др.-тюрк. *tany-* «знать, узнавать» с перс. *dān-*, основой наст. времени глагола *dānistan* «знать, узнавать, признавать».

6. Кирг. *barqyra-*, якут. *baqqyrā-* (<*barqyrā-*), мо. *barxira-* «издавать рев».
7. Др.-тюрк. *biti-*, алт. *biči-*, тув. *biži-*, ср.-монг. *biti-* ~ *biči-*, мо. *bič-* «писать».
8. Др.-тюрк., туркм. *bol-*, азерб., тур. *ol-*, тат. *bul-* «быть, становиться», м.-п., мо. *bol-* «становиться, делаться».
9. Др.-тюрк. *büdi-* ~ *büdi-*, башк., ног. *bijš-*, м.-п. *büji-* «танцевать, плясать».
10. Алт. *bürke-*, кирг. *bürkö-*, тув. *bürge-* «покрывать, закрывать», м.-п. *bürke-* «покрывать, закрывать, окутывать (облаками)».
11. Алт. *čoçu-*, уйг. *čöcü-*, м.-п. *čoči-* ~ *soči-* «пугаться, дрожать от страха».
12. Алт., кирг. *čoqu-*, м.-п. *čoki-* «клевать».
13. Ст.-узб., кар., кирг., туркм. *čyda-*, тоф., тув. *šyda-*, м.-п. *čida-* «мочь, быть в состоянии; выдерживать».
14. Кар. *jada-*, кирг. *jada-*, тув. *čada-*, м.-п. *jada-* «не мочь, не быть в состоянии».
15. Др.-тюрк. *jarlyqa-*, м.-п. *jarliqla-* «соблаговолить; приказать».
16. Ног., туркм. *jasa-*⁴, кирг., м.-п. *jasa-* «делать, строить, устраивать».
17. Др.-тюрк. *jory-*, тув. *čoru-* ~ *čor-*, м.-п. *žori-* «идти, двигаться».
18. Алт., башк., тув. *mağta-*⁵, туркм., м.-п. *mağta-* «хвалить, прославлять».
19. Кирг., бурят. *māra-* «блөять».
20. Кирг. *mörö-*, якут. *mögürē-*, бурят. *möre-* «мычать».
21. Др.-тюрк., алт., туркм., м.-п. *ös-* «расти; умножаться».
22. Алт. *qajqa-*, тув. *qajqa-*, якут. *xaйууа-*, м.-п. *qajqa-* «удивляться».
23. Др.-тюрк. *qaly-* «подниматься, взлетать», м.-п. *qali-* «подниматься вверх; летать, парить».
24. Др.-тюрк., гаг., ног. *qan-*, м.-п. *qan-* ~ *qanu-* «утолять жажду; удовлетворяться, довольствоваться».
25. Др.-тюрк., кирг. *qana-*, туркм. *qāna-*, узб. *qona-* «кровоточить», м.-п. *qana-* «пускать кровь».
26. Ст.-узб. *qara-*⁶, туркм. *qara-*, м.-п. *qara-* «смотреть».
27. Кирг. *qorqura-*, бурят. *xurxira-* «храпеть».
28. Др.-тюрк. *qory-*, тур. *qoru-* «защищать, охранять, оберегать», м.-п. *qori-* «огораживать; защищать».
29. Др.-тюрк. *sana-* «считать», кирг. *sana-* «считать; думать», м.-п. *sana-* «думать, мыслить».
30. Др.-тюрк. *sedrä-*, м.-п. *sezire-* «редеть, становиться редким».
31. Др.-тюрк., м.-п. *sojurqa-* «жаловать; соблаговолить, соизволить».
32. Др.-тюрк. *sor-*, алт., кирг., тув., м.-п. *sura-* «спрашивать, расспрашивать».
33. Др.-тюрк. *söküt-* ~ *čöküt-*, м.-п. *sögüd-* «преклонять колени».
34. Туркм. *šöxlan-* (*šöxla-n-*), м.-п. *šoyla-* «веселиться; проказничать, озорничать».
35. Др.-тюрк., азерб., алт., кар. *tany-*, м.-п. *tani-* «знать, узнавать; быть знакомым».
36. Др.-тюрк., азерб., ног., хак., м.-п. *tala-* «захватывать, грабить».
37. Казах., кирг., м.-п. *tara-* «расходиться, распространяться».
38. Др.-тюрк., алт., кирг. *tary-*, м.-п. *tari-* «возделывать землю; сеять».
39. Кар., хак. *tona-*, кирг. *tono-*, м.-п. *tonu-* «грабить».
40. Алт., кирг. *toqto-*, кар. *toxta-*, м.-п. *toğta-* «останавливаться; прекращаться».
41. Др.-тюрк. *tolä-*, башк. *tülä-*, казах., кар. *töle-*, кирг. *tölö-*, м.-п. *tölü-* «платить, уплачивать».

⁴ По поводу *jasa-* в древнетюркском языке см. у Л. В. Кларка [11, с. 163—164].

⁵ Др.-тюрк. *mağut-*, сопоставляемое с м.-п. *mağta-*, обязано своим существованием ошибочному чтению [11, с. 140].

⁶ О времени появления глагола *qara-* «смотреть» в тюркских языках см. у А. Н. Самойловича [37] и у Л. В. Кларка [11, с. 144—146].

42. Др.-тюрк., м.-п. *törü-*, туркм. *döre-* «возникать, появляться; рождаться».

43. Башк. *tujla-*, кар. *tojla-*, ср.-монг. *tojila-* «пировать, праздновать».

44. Др.-тюрк. *tyjla-*, алт. *tyjda-*, кирг. *tyjša-*, тув. *dyjna-*, м.-п. *čing-na-* < **tyngla-* «слушать».

45. Кар., туркм., *učra-*, м.-п. *učira-* «встречать; встречаться».

Подводя итог обзору первой группы глагольных параллелей, мы не станем делать окончательных выводов относительно каждой из них в отдельности, хотя в большинстве случаев не составило бы труда высказать вполне определенные соображения. Важнейшим результатом сделанного обзора является констатация того, что в рамках тюркско-монгольских языковых связей заимствование глаголов — не исключение, а обычная вещь. Не о каждом глаголе можно с уверенностью сказать, что он тюркский или монгольский, тем не менее, опираясь на различные факты и учитывая многолетний опыт алтаистических исследований, тюркологи уже сейчас в состоянии разграничить в тюркско-монгольских параллелях многие 1) собственно тюркские глаголы и 2) глаголы, заимствованные из монгольских языков, ср.: 1) *abla-* ~ *avla-*, *ajqyr-*, *alda-*, *barqyra-*, *biti-*, *büdi-* ~ *büdi-jarlyqa-*, *jory-*, *qaly-*, *qan-*, *qana-*, *qorqura-*, *sana-*, *sebrü-*, *sojurma-*, *sor-* ~ *sora-* ~ *sura-*, *söküt-* ~ *čöküt-*, *šoxlan-*, *tany-*, *tary-*, *tujla-* ~ *tojla-*, *tyjla-*; 2) *abra-*, *azyra-*, *bürke-*, *čoçy-*, *čoqu-*, *čyda-*, *jada-*, *jasa-*, *maqta-*, *qajqa-*, *qara-*, *tona-*, *toqto-* ~ *toqta-*, *učra-*.

Причины разграничения собственно тюркской и заимствованной лексики проиллюстрируем несколькими примерами. Глаголы *abla-* ~ *avla-*, *alda-*, *qana-*, *sana-tujla-* ~ *tojla-*, *tyjla-* образованы от существительных *ab* ~ *av* «охота», *al* «обман», *qan* «кровь», *san* «мысль; дума; число», *tuj* ~ *toj* «пиршество; свадьба», *tyj* «слушание», не имеющих параллелей в монгольских языках. Глаголы *biti-*, *sojurma-* включают в себя китайские лексические единицы (*pjet* «кисть для письма», *soj* ~ *tsoj* «жалость, сострадание») и типично тюркские словообразовательные элементы *-i* и *-urqa* ~ *-yrqa*. Глагол *söküt-* ~ *čöküt-* выступает в нехарактерной для монгольских языков форме побудительного залога. Глагол *maqta-* начинается с сонанта, между тем сонанты, как известно, отсутствовали в начале собственно тюркских слов. Глаголы *čyda-*, *jada-* не укладываются в правила тюркских фонетических соответствий, глаголы *abra-*, *azyra-*, *qara-* не встречаются в древнетюркских текстах и отсутствуют в ряде современных тюркских языков.

Подробнее следует сказать об изобразительных глаголах. Тюркологи и монголисты уделяли много внимания изобразительным глаголам на *-r(a)*, *-qyr(a)* [38—40], и их выводы явились предметом обсуждения в одной из наших статей [41]. В изобразительных глаголах, входящих в тюркско-монгольские параллели, общими являются не только морфологические показатели, но и основы. В монгольских языках, вопреки утверждению Г. И. Рамстеда [42], изобразительные глаголы на *-r(a)*, *-qyr(a)* немногочисленны и образуют обособленную группу, в тюркских же языках их несравненно больше и, что важно, они составляют вместе с другими типами изобразительных слов единую, взаимосвязанную систему, ср.: кирг. *baqyr-* и *baqylda-* «орать, горланить», *barqyra-* и *barqylda-* «громко кричать; голосить», *daçyryra-* и *daçyrylda-* «звенеть», *šaçy* — звукоподражание звону, *šaçyryra-* и *šaçyrylda-* «сильно звенеть», *qaçy* — звукоподражание глухому звону, *qaçyry* — звукоподражание отрывистому звону, *qaçyryra-* «звенеть»; туркм. *hyjra-* — звукоподражание хмыканью, *hyjran-* «рычать; ворчать»; якут. *čal* ~ *čalq* — звукоподражание падению слизистой массы или капли в жидкость, *čalqyr-* «бухнуть» [43].

В заключение сделаем общее замечание относительно семантики глагольных параллелей. Значительная часть их передает значения, не входящие в круг основных понятий действия и состояния, иначе говоря, относится к периферийной лексике.

Вторая группа

1. Др.-тюрк. *boγ*- «давить, душить», туркм. *boγ*- «вязать, связывать, перевязывать», м.-п. *boγu*- «завязывать, обвязывать; обертывать».
2. Др.-тюрк. *büt*-, азерб. *bit*-, м.-п. *büte*- «кончатся, завершаться».
3. Др.-тюрк. *jalbar*-, азерб. *jalvar*-, тув. *čalbar*-, м.-п. *jalbari*- «просить, умолять; молиться».
4. Др.-тюрк. *joluq*-, кар. *jolux*-, м.-п. *jolγa*- «встречаться».
5. Др.-тюрк., алт. *kert*-, м.-п. *kerči*- «надрезать; делать метку».
6. др.-тюрк., узб. *kez*-, туркм. *gez*-, м.-п. *kerü*- «бродить; скитаться».
7. Др.-тюрк., алт., ног. *qat*-, м.-п. *qata*- «затвердевать; засыхать».
8. Др. тюрк., алт. *qon*-, тув. *xon*- «опускаться, садиться на землю или дерево (о птицах); останавливаться на ночлег (о людях)», м.-п. *qonu*- «ночевать, проводить ночь».
9. Др.-тюрк., азерб. *saγ*-, м.-п. *saγa*- «доить».
10. Др.-тюрк., кар., туркм. *sač*-, м.-п. *saču*- ~ *čaču*- «разбрасывать, рассеивать».
11. Др.-тюрк., кирг., туркм. *silk*-, алт. *silki*-, тув. *silgi*- «трясти, качать», м.-п. *silge*- «встряхиваться, отряхиваться (о животных)».
12. Др.-тюрк., кирг., тув. *süj*-, м.-п. *singge*-, мо. *šinge*- «впитываться; всасываться».
13. Др.-тюрк., алт., кирг., ног. *sök*-, ср.-монг. *süke*- «ругать, бранить».
14. Др.-тюрк. *sön*- «прекращаться, исчезать», азерб., туркм. *sön*- «гаснуть, меркнуть», м.-п. *sönü*- «прекращаться, исчезать; гаснуть».
15. Др.-тюрк., азерб. *ürk*-, м.-п. *ürge*- ~ *ürgü*- «пугаться, страшиться».

Как отмечалось выше, для древнемонгольского и монгольского письменного языка более обычен открытый тип слога, тогда как в древнетюркском языке и в современных тюркских языках допускаются в одинаковой мере и открытые, и закрытые слоги, и, естественно, при заимствовании из монгольских языков в тюркские конечные гласные именных и глагольных основ не выпадают, ср.: кар. *alġa*- «терять разум, выживать из ума», *toxta*- «останавливаться»; тув. *boda*- «думать», *čuru*- «рисовать», *mana*- «охранять, сторожить», *medere*- «терять сознание», *neme*- «дополнять»; туркм. *γara*- «смотреть». В монгольских же языках наблюдаются случаи структурно-фонетического освоения тюркизмов путем присоединения «дополнительного» гласного, ср.: др.-тюрк. *kök*, м.-п. *köke* «голубой, синий, сизый»; др.-тюрк. *kömlüdürük*, м.-п. *kömlüdürge(n)* «нагрудный ремень лошади, подпруга»; др.-тюрк. *judruq*, м.-п. *nudurγa* «кулак»; др.-тюрк. *körük* (<**körük*), м.-п. *kögerge* ~ *kegürge* «кузнечный мех»; др.-тюрк. *buγra*, м.-п. *buγura* «верблюдо-производитель»; др.-тюрк. *jalavač* ~ *jalabač* «посол», ср.-монг. *Jalavači* — имя собств.; др.-тюрк. *qylunč*, м.-п. *kilinč* «поступок; проступок»; др.-тюрк. *tušaγ*, м.-п. *tušaγa*, мо. *tušā* «ножные пути»; др.-тюрк. *ajaq*, м.-п. *ajaγa* «чаша»; др.-тюрк. *tajaq*, м.-п. *tajaγa* «палка»; казах. *böllirik*, бурят. *belterge* «волчонок».

Следовательно, структурно-фонетические изменения в словах, заимствованных монголами из тюркских языков, очевидны, но очевидно и то, что эти изменения не были регулярными, ср.: др.-тюрк. *burčaq*, м.-п. *burčaq* (вм. *burčaqa*, как следовало бы ожидать) «горох». Нерегулярность, непоследовательность изменений стала причиной острых научных дискуссий, продолжающихся по сию пору.

По вопросу о происхождении «дополнительного» гласного известны три точки зрения.

Точка зрения Г. И. Рамштедта [3, с. 152—156], Б. Я. Владимирцова [44], Н. Поппе [45, с. 422—424] и других алтаистов [46—48] сводится к утверждению, что монгольские формы древнее тюркских и что они развились из единых тюркско-монгольских праформ с конечным гласным, например: др.-тюрк. *berk* и м.-п. *berke* «крепкий» <**berke*; др.-тюрк. *büt*- и м.-п. *büte*- «кончатся, завершаться» <**büte*-. Согласно этой точке зрения, в монгольском праязыке и затем в монгольском письменном языке тюркско-монгольские праформы не претерпели структурных изменений, в тюркском же праязыке был утрачен конечный гласный, и утрата его, как

полагал К. Г. Менгес, вызвала удлинение гласного первого слога: **köke* > тюрк. **kök* «синий, голубой», **aba* > тюрк. **āb* «охота» [49].

В. Котвич придерживался противоположной точки зрения, считая тюркские формы (без гласного в исходе) древнейшими, а монгольские (с «дополнительным» гласным) — более поздними. Появление «дополнительного» гласного в монгольских формах объясняется В. Котвичем как следствие структурно-фонетической адаптации заимствованных тюркских слов [50].

Третья точка зрения — у Г. Дёрфера, разграничивающего в параллелях со структурно-фонетическими расхождениями тюркские слова, 1) оканчивающиеся двумя согласными или *č* (*qylың* «по поступок; проступок», *ürk* «пугаться», *erk* «сила», *berk* «крепкий», *sač* «разбрасывать, рассеивать»); 2) оканчивающиеся любым шумным согласным, кроме *č* (*saγ* «доить», *jad* «магический камень», *bölük* «часть», *čaγ* «время»); 3) имеющие в конце сонант (*er* «мужчина», *jet* «еда, съестное», *qon* «опускаться, садиться на землю; ночевать»). В первой группе устанавливается связь «дополнительного» гласного с освоением монголами заимствованных тюркских слов. Во второй и третьей группах «дополнительный» гласный рассматривается Г. Дёрфером как исконный: в этом фонетическом облике слова второй и третьей групп были заимствованы монголами. Позднее в тюркских языках они утратили конечный гласный, тогда как в тюркизмах монгольского письменного языка гласный сохранился [51].

Решение, предложенное Г. И. Рамstedтом, Б. Я. Владимирцовым, Н. Поппе, не получило широкой поддержки из-за отсутствия убедительных свидетельств утраты в тюркских языках конечного гласного. А. Зайончковский был, безусловно, прав, когда указывал, что в тюркских языках на протяжении всего исторического периода происходило чаще наращение гласных, чем их выпадение [52]. Отдавая себе отчет в том, что избирательное исчезновение гласных в тюркских языках объяснить невозможно, Н. Поппе предложил считать все производные тюркские слова с открытым вторым слогом древними заимствованиями из монгольских языков [45, с. 423]. Необоснованность этого предположения настолько очевидна, что нет необходимости в его критическом рассмотрении. Несостоятельна попытка К. Г. Менгеса связать с выпадением конечных гласных образование долготы в первом слоге тюркских слов: в больших группах имен и глаголов, входящих в соответствующие параллели, выступают этимологические краткие гласные, ср.: др.-тюрк. *büt*- (м.-п. *büte*-) «кончатся, завершаться», *qat*- (м.-п. *qata*-) «становиться твердым, засыхать», *sač*- (м.-п. *saču*- ~ *čaču*-) «разбрасывать, рассеивать», *siγ*- (м.-п. *singge*-) «впитываться, уходить в землю».

Предпочтительнее точка зрения В. Котвича. Важный аргумент в ее пользу — присоединение «дополнительного» гласного в монгольских языках к ряду несомненных тюркизмов. Вместе с тем следует признать, что причина появления «дополнительного» гласного после сонантов В. Котвичем не раскрыта.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что любое решение рассматриваемой проблемы, опирающееся на предположение об утрате в тюркских языках конечных гласных, не будет иметь надежной опоры. Ни в древних, ни в современных тюркских языках конечные гласные, за редкими исключениями, не выпадали, и одной из основных причин наличия в них структурно-фонетических вариантов было переаимствование тюркских слов, ср.: др.-тюрк. *küč*, тув. *küš*, м.-п. *küü(n)* «сила», тув. *küü* «мощь» (<монг.); др.-тюрк. *berk* «крепкий», м.-п. *berke*, тув. *be'рге* «трудный, тяжелый» (<монг.); др.-тюрк. *boz*, ср.-монг. *boro* ~ *boro*, тув. *boro* «серый» (<монг.). В отличие от тюркских языков, монгольские не лишены фактов, подтверждающих существование в них тенденции к преобладающей открытости слога. Обращают на себя внимание позиционные ограничения для согласных в дунсянском языке: большинство составляют открытые слоги, в конце закрытых слогов встречаются только сонанты, преимущественно *ŋ* и *n* [53]. Нечто подобное отмечено в дагурском языке: слова, оканчивающиеся в разных монгольских языках согласными, в дагурском

языке часто имеют в исходе гласный [54]. «Наращение» гласных наблюдается также в бурятском языке: *gara-* «выходить», *odo-* «отправляться», *olo-* «находить» [55], *üde-* «расти». Вообще, в пределах центральноазиатского и сибирско-дальневосточного ареалов преобладание открытых слогов — явная, хотя и нарушенная закономерность. При этом в центральноазиатском регионе следы ее обнаруживаются и в тюркских языках, подвержшихся сильному монгольскому влиянию, например, в хотонском языке и в языке желтых уйгуров: хот. *atā* «лошадь», *bešī* «пять», *but'i* «нога», *gözü* «глаз», *ōzā* «рот», *otā* «огонь», *tili* «язык», *üčü* «три» [56]; сарыг.-югур. *qaza* «гусь», *saqa* «осторожный» [57].

Третья группа

1. Ср.-тюрк. *baj-*, ср.-монг. *bajai-* (*baja-ïi-*) «богатеть» [58].
2. Др.-тюрк., кар. *il-* «цеплять, вешать», туркм. *il-* «прицепляться, зацепляться», м.-п. *elgü-(el-gü-)* «вешать, подвешивать».
3. Др.-тюрк. *jad-* ~ *jad-*, азерб., кар. *jaj-* «распространять; раскладывать; расстилать», м.-п. *jadači-* (*jada-či-*) «развертывать; раскрывать».
4. Др.-тюрк. *jajyl-jajqal-* «колебаться, качаться», м.-п. *najil'a-* (*najil-ja-*) «качать, трясти».
5. Др.-тюрк., туркм. *jet-*, тув. *čet-* «достигать, доходить», м.-п. *jidkü-(ïid-kü-)*, мо. *züt-* «стремиться к чему-л.; стараться, усердствовать».
6. Др.-тюрк. *joγu-*, туркм. *jöre-* «ходить, идти», м.-п. *jořči-(ïor-či-)* «идти, двигаться; направляться».
7. Др.-тюрк., азерб., кар. *jum-* «закрывать глаза, жмурить», ср.-монг. *jumuji-* (*jumu-ji-*) «закрывать; сжиматься».
8. Др.-тюрк. *kežü-* ~ *keje-*, алт. *kezi-* «распространяться, расширяться», м.-п. *kengkeji-* (*kengke-ji-*) «выглядеть просторным».
9. Др.-тюрк. *qap-* «хватать, захватывать», алт. *qap-* «хватать руками, ртом, зубами», ср.-монг. *qabči-* (*qab-či-*) «схватывать; сжимать».
10. Др.-тюрк. *šyš-*, кирг. *šiši-*, м.-п. *čiliji-* (*čili-ji-*) «пухнуть, опухать».

«Дополнительные» сочетания гласных с согласными в глагольных основах среднемонгольского и монгольского письменного языков — *-ji* ~ *-či*, *-gü* ~ *-kü*, *-(b)ïa*, *-ji*. Сопоставление тюркских и монгольских материалов наводит на мысль о том, что в присоединении перечисленных сочетаний отразился процесс м о р ф о л о г и ч е с к о г о озвращения заимствованных тюркских глаголов. Факт заимствования подтверждается результатами анализа структуры глагольных основ, ср. например, др.-тюрк. *kežü-* ~ *keje-* «расширяться» от *kež* «широкий» + аффикс глагольного словообразования *-ü* ~ *-i* ~ *-e*, *jajyl-* — форма страдательного залога от *jaj-* «колебать, трясти».

IV. Итак, то, что в тюркских и монгольских языках совпадают десятки глагольных основ, не вызывает сомнений. У неэскулэнного компаративиста, естественно, возникнет недоумение по поводу причин, побуждающих несколько поколений тюркологов и монголологов вести горячие споры о природе тюркско-монгольских языковых связей. Но как раз в этой необычной ситуации и заключается существо алтайской проблемы. Налицо, с одной стороны, всеобъемлющие сходства, с другой, непреодолимые трудности их восприятия в духе традиционной компаративистики. Об отдаленном родстве, если принять во внимание размеры и степень сходств, показанные выше на примере глагольных основ, говорить не приходится. Близкое генетическое родство исключено, так как слишком велики различия: не являются общими количественные числительные; не одинаков порядок присоединения аффиксальных морфем [58]; несовместимы способы выражения отрицания при глаголе и мн. числа у имен (отпадение конечных *n*, *r*, *l*, *i* и именного афф. *-sun* в монгольских языках и т. д.) [59]. Более вероятна близость на почве взаимодействия, в обоснование которой можно привести следующие соображения.

1) Свообразные черты морфологического типа тюркских и монгольских языков не создавали препятствий для заимствования структурных частей слова: корневой и аффиксальных морфем. В памятниках языка

западных монголов, ассимиляция которого языками среднеазиатских тюрков приняла крайние формы, почти любая глагольная основа, без изменений или с минимальными изменениями, присоединяет к себе параллельно тюркские и монгольские аффиксы, ср. (примеры на первые две буквы алфавита [60]):

ср.-тюрк.	ср.-монг.
<i>aldady</i> ⁷	<i>aldaba</i> «обманул»
<i>arbady</i>	<i>arbaba</i> «заколдовал»
<i>arytty</i>	<i>arçiba</i> «очистил»
<i>arladı</i>	<i>abalaba</i> «охотился»
<i>berimlädilär</i>	<i>berimlebeler</i> «дали взятку»
<i>bijädi</i>	<i>böjibe</i> «танцевал»
<i>bitidi</i>	<i>biçibe</i> «писал»
<i>boğuzlamaq</i>	<i>bo'orlaqu</i> «перерезать горло»
<i>bojamaq</i>	<i>buduqu</i> «красить»
<i>boqavladı</i>	<i>boqa'ulaba</i> «заковал в кандалы»
<i>botalady</i>	<i>botayalaba</i> «принесла верблюжонка»
<i>butady</i>	<i>butaba</i> «обрезал ветки»
<i>butrady</i>	<i>butaraba</i> «распался» (?)

В письменных источниках нередко отражались индивидуальные особенности языка составителей-полиглотов, однако жанр избранного нами источника — многоязычный словарь — исключает или, по крайней мере, ограничивает возможности искусственного формообразования.

2) На важную роль контактов в образовании тюркско-монгольских языковых связей указывает неравномерность распределения глагольных параллелей. Многократное увеличение их количества отмечено в тех тюркских языках, которые территориально или по условиям исторического развития теснее соприкасались с монгольскими: в алтайском, казахском, киргизском, тувинском, хакасском, якутском, ср.: алт., тув., м.-п. *al-bada-* «принуждать, заставлять»; алт. *mana-* «городить, загораживать», тув., м.-п. *mana-* «охранять, сторожить (ночью)»; алт. *d'obo-* «болеть, изнемогать», тоф. *çoba-*, м.-п. *joba-* «мучиться»; алт. *bedre-*, м.-п. *bederi-* «искать, разыскивать»; алт., м.-п. *qolbo-* «соединять, смешивать»; казах. *taužjira-*, м.-п. *tauçijira-* «лишаться чувств, падать в обморок»; кирг., м.-п. *aja-* «жалеть; щадить»; кирг. *dürbö-*, м.-п. *dürve-* «быть в смятении; панически бежать»; кирг. *jyrça-*, м.-п. *jirça-* «наслаждаться; испытывать удовольствие»; кирг., мо. *tun-* «отстаиваться; становиться чистым, прозрачным»; тув., м.-п. *neme-* «прибавлять, дополнять»; тув. *boda-*, м.-п. *body-* «думать»; тув. *darla-*, м.-п. *darula-* «угнетать, притеснять»; тув. *xaça-*, м.-п. *qaça-* «закрывать, запирает»; тув. *aŋçyžyra-*, м.-п. *angçijira-* «отделяться, обособляться»; тув. *aldaržy-*, м.-п. *aldarji-* «становиться известным, прославляться»; якут. *delberij-*, м.-п. *delberi-* «дробиться, трескаться» и многие другие.

3. В пользу заключения о контактной природе тюркско-монгольских языковых связей свидетельствует также необычное для генетических общностей соотношение совпадающих глагольных основ и глагольных основ, не имеющих ни прямых, ни косвенных параллелей, т. е. встречающихся только в тюркских или только в монгольских языках. Совпадают десятки глаголов, находящихся на периферии словарного состава, и наряду с этим различаются и не поддаются сближению с монгольскими многие общетюркские глаголы, образующие его ядро, например: *aç-* «открывать», *açy-* «болеть», *aj(t)-* «говорить, сказать», *al-* «брат», *aş-* «переваливать (через гору)», *ber-* «давать», *bil-* «знать», *de-* «говорить, сказать», *eşit-* «слышать», *iç-* «пить», *jat-* «лежать; ложиться», *je-* «есть», *jet-* «достигать», *keç-* «переправляться (через водную преграду)», *kel-* «приходить», *kes-* «резать», *ket-* «уходить», *kir-* «входить», *kör-* «видеть», *o(l)tur-* «сидеть; садиться», *öl-* «умирать», *qajt-* «возвращаться», *qaz-* «копать», *qoj-* «ставить», *quj-* «лить», *sal-* «класть», *tur-* «стоять; вставать», *tut-* «держат»;

⁷ -*Dy* ~ -*di* в тюркских, -*ba* ~ -*be* в монгольских примерах — аффиксы прошедшего времени, -*maq* ~ -*mäk* и -*qu* ~ -*ku* соответственно, — аффиксы имен действия.

хватать», *tüš-* «спускаться, опускаться; падать», *uč-* «летать», *unut-* ~ *unyt-* «забывать», *ur-* «бить; ударять; класть» и т. д. Точно так же не поддаются сближению с какими-либо тюркскими словами общемонгольские глагольные основы, относящиеся к центральным областям лексики: *abu-* «брат», *ala-* «убивать», *asaγu-* «спрашивать», *baγu-* «спускаться», *bari-* «держать; хватать», *boda-* «думать», *bos-* «вставать, подниматься», *buča-* «возвращаться; отречься, отказываться», *ɖava-* «переваливать (через гору)», *delet-* «бить; ударять», *γar-* «выходить», *ide-* «есть», *ire-* «приходить», *jabu-* «идти», *heβte-* «лежать; ложиться», *küri-* «доходить, достигать», *marta-* «забывать», *mede-* «знать, узнавать», *nege-* «открывать», *nis-* «летать», *od-* «уходить», *ol-* «находить», *oru-* «входить», *ög-* «давать», *saγu-* «сидеть», *sonos-* «слышать», *talbi-* «класть; оставлять; бросать», *uγu-* «пить», *üje-* «видеть», *ükü-* «умирать» и т. д.

Хотя понятия центральных и периферийных областей лексики лишены точности и определенности, нельзя игнорировать то обстоятельство, что пронизанность различных групп лексики далеко не одинакова.

V. На вопрос о том, что дают монгольские материалы для реконструкции тюркского праязыка, мы вправе ответить так. Есть факты, способствующие уточнению первоначального содержания некоторых лексических единиц, есть свидетельства многообразия фонетических изменений. Однако необходимо иметь в виду, что тюркские заимствования в монгольских языках не содержат ничего неожиданного, по сравнению с материалами самих тюркских языков, что нет ни одного раздела сравнительной тюркологии, в котором достижение новых результатов было бы обусловлено привлечением монгольских материалов.

Поскольку заимствования из тюркских языков в тунгусо-маньчжурские осуществлялись в основном через монгольские языки, внешний облик тюркизмов в тунгусо-маньчжурских языках отражает особенности их фонетического освоения монгольскими языками [61]. Исключения составляют слова, заимствованные эвенским и эвенкийским языками непосредственно из якутского. Следовательно, тунгусо-маньчжурские материалы могут быть вспомогательным источником реконструкции тюркского праязыка в еще меньшей мере, чем монгольские.

Иным будет ответ на вопрос о значении тюркских материалов для восстановления монгольских праформ. Они нужны как опора для разграничения в лексике и, отчасти, в морфологии монгольских языков собственного фонда и последствий продолжительного влияния. В их чрезвычайно смешанном словарном составе и грамматическом строе улавливаются черты древнего самобытного облика, выявление которых и соотнесение с поздними наслоениями — главнейшая задача исторической монголистики. Реконструкция монгольских праформ, предполагающая четкое отграничение тюркских элементов, позволит также поднять более высокую ступень решение вопроса о природе монголо-тунгусо-маньчжурских связей. Все это создаст основу для целенаправленного, не осложненного беспорядочными поисками параллелей изучения собственно монгольской языковой истории.

Сделанные выводы не «закрывают» алтаистику, а лишь намечают пути выхода из кризисной ситуации и достижения позитивных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968. с. 21—22.
2. Кононов А. Н. Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы. — ВЯ, 1977, № 3, с. 23—24.
3. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. — MSFOu, 1957, CIV.
4. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
5. Bawden C. R. — BSOAS, 1965, XXVIII, 1, p. 180. — Rec.: Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux d'après les documents écrits. Paris, 1963.
6. Sinor D. — JAOS, 1977, XCVII, 1, p. 37. — Rec.: Kakuk S. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVIe et XVIIe siècles. Les éléments osmanlis de la langue hongroise. Budapest, 1973.

7. Menges K. H. — CAJ, 1983, XXVII, 1—2, p. 156. — Rec.: Cabain A. Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979.
8. Санжеев Г. Д. К вопросу о тюркских заимствованиях в монгольских языках. — В кн.: Лингвистический сборник. Ташкент, 1971.
9. Сарыбаев Ш. Ш. Монгольско-казахские лексические параллели. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
10. Clauson G. The earliest Turkish loan words in Mongolian. — CAJ, 1959, IV, 3.
11. Clark L. V. Mongol elements in Old Turkic? — JSFOu, 1977, LXXV.
12. Ligeti L. Histoire du lexique des langues turques. — RO (1951—1952), 1953, XVII, p. 87.
13. Zajaczkowski W. Die mongolischen Elemente in der karaimischen Sprache. — Folia Orientalia, 1960, II.
14. Poppe N. Die mongolischen Lehnwörter im Komanischen. — In: Németh armağani. Ankara, 1962.
15. Róna-Tas A. Loan-words of ultimate Middle Mongolian origin in Chuvash. — In: Studies in Chuvash etymology. I. Szeged, 1982.
16. Poppe N. On Chuvash-Mongolian linguistic contacts. — JAOS, 1977, XCVII, 2.
17. Тина О. N. Osmanlıcada Moğolca ödünç kelimeler. — Türkiyat mecmuası, 1972, XVII.
18. Сыдыков С. Тюрко-монгольские параллели. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.
19. Кудайбергенов С. Грамматические параллели монголо-тюркских языков. (На материале киргизского языка). — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965.
20. Базилхан Б. Монгольские заимствования в Баян-Ульгейском говоре казахского языка. — В кн.: Монголын судлал, VI, 9—14, 1966(1967).
21. Базилхан Б. Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков. (На материале лексики и грамматики): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1974, с. 8.
22. Татаришцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976, с. 102—109.
23. Kalużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.
24. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 146.
25. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии Таскина В. С. М., 1984, с. 49, 306.
26. Poppe N. The Turkic loan words in Middle Mongolian. — CAJ, 1955, I.
27. Clauson G. The Turkish elements in 14th century Mongolian. — CAJ, 1960, V, 4.
28. Gülensoy T. Moğolların Gizli Tarihi'ndeki Türkçe kelimeler üzerine bir deneme. — Türkoloji dergisi, 1975, V.
29. Clark L. V. Turkic loanwords in Mongol. I: The treatment of non-initial s, z, ş, ç. — CAJ, 1980, XXIV, 1—2.
30. Темір А. Türkçe ile Moğolca arasındaki ilgiler. — DTCFD, 1955, XIII, 1—2, s. 13—14.
31. Владимирцов Б. Я. Арабские слова в монгольском. — ЗКВ, 1930, V.
32. Рассадин В. И. О тюркизмах в бурятском языке. — Тр. Бурятского ин-та обществ. наук, 1969, сер. языковедческая, вып. 6.
33. Kotwicz W. Les éléments turcs dans la langue mandchoue. — RO (1938), 1939, XIV, p. 102.
34. Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВО РАО, 1911, XX, 2—3, с. 170 и сл., 178 и сл.
35. Nordhaugen E. The Mongolian suffix *-lig* and its Turkic origin. — In: Researches in Altaic languages. Budapest, 1975.
36. Кенесбаев С. К. К вопросу о тюрко-монгольской языковой общности. (На материале некоторых грамматических явлений казахского языка). — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 328.
37. Самойлович А. Н. О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской республике. — Архив востоковедов ИВ АН СССР в Ленинграде, ф. 11, оп. 4, № 56, с. 2, 8.
38. Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 2. Mitteilung: Über einige schallnachahmende Verba. Berlin, 1919, S. 9—12.
39. Ramstedt G. J. Über onomatopoeische Wörter in den altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, LV, S. 107 ff.
40. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 260.
41. Щербак А. М. О морфологическом составе образных глаголов типа *baqur-*, *çaqur-*, *hajkur-*. — СТ, 1971, № 3, с. 8 и сл.
42. Ramstedt G. J. Über Stamme und Endungen in den altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, LV, S. 102.
43. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М. — Л., 1954, с. 260, 264.
44. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 323—324.
45. Поппе Н. И. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. IV. — ИРАН, 1925, №№ 9—11.
46. Bang W. Mänichäische Erzähler. — Muzéon, 1931, XLIV, S. 32—33.

47. *Murayama S.* Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen.— Oriens, 1958, XI, 1—2, S. 225 ff.
48. *Posch U.* Die altaische Sprachverwandtschaft. Theorie oder Hypothese?— In: Handbuch der Orientalistik. I. Abt. V. Leiden-Köln, 1964, S. 23—25.
49. *Menges K.* Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen.— AO, 1939, XI, 1, S. 19.
50. *Kotwicz W.* Studia nad językami altajskimi.— RO (1950), 1953, XVI, s. 19.
51. *Doerfer G.* Zwei wichtige Probleme der Altaistik.— JSFOu, 1968, LIX, S. 15—21.
52. *Зайончковский А.* К вопросу о структуре корня в тюркских языках.— ВЯ, 1961, № 2, с. 33—34.
53. *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М., 1961, с. 18.
54. *Поппе Н. Н.* Дагурское наречие.— Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Ташу-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. 6. Л., 1930, с. 116.
55. *Самжиев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 96.
56. *Владимирцов Б. [Я]., Самойлович А. [Н].* Турецкий народец хотоны.—ЗВО РАО, 1916, XXIII, с. 274—277.
57. *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 49, 62, 71, 98.
58. *Щербак А. М.* Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования.— ВЯ, 1983, № 3.
59. *Щербак А. М.* О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии.— НАА, 1968, № 1, с. 106—107.
60. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-адаб. П. М.— Л., 1938.
61. *Doerfer G.* The Mongol-Tungus connections.— Language research, XXI, 2. Seoul, 1985, p. 139.